Инфляция и власть в Венесуэле: от нефтяного кризиса к неустойчивой стабилизации

Сергеева Александра Андреевна
студентка, «Международный бизнес», Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, alexa.1589@mail.ru

В статье рассматривается инфляционный кризис в Венесуэле 2013–2025 гг. во взаимосвязи с нефтяной зависимостью и экономической политикой государства. Проводится анализ динамики инфляции, нефтедобычи и бюджетного баланса, а также валютного регулирования и долларизации. В результате выделены основные этапы кризиса и определены институциональные ограничения, обусловившие неустойчивость последующей макроэкономической стабилизации.

Ключевые слова: Венесуэла, инфляция, гиперинфляция, нефтяная рента, PDVSA, долларизация, политическая экономия.

Введение

В научной литературе венесуэльский инфляционный кризис связывают с сочетанием внешнего нефтяного шока и решений в области валютного регулирования, государственных финансов и денежной политики; отдельно рассматривается влияние санкций [1; 2; 5; 6]. Каждое из этих объяснений отражает отдельную сторону кризиса, однако ни одно из них само по себе не позволяет понять, почему экономические проблемы приобрели столь продолжительный характер. Для этого необходимо учитывать политико-экономическую роль нефтяной ренты: она обеспечивала бюджетные поступления, за её счёт финансировались социальные программы и импорт, а также поддерживалась сложившаяся система отношений между государством и обществом.

Цель статьи состоит в выявлении взаимосвязи между решениями в сфере распределения нефтяных доходов, проводимой макроэкономической политикой и развитием инфляционного кризиса. Основной исследовательский вопрос заключается в том, почему сокращение нефтяной выручки привело не только к падению производства и бюджетному дефициту, но и к переходу от высокой инфляции к гиперинфляции, а последующее замедление роста цен не обеспечило устойчивой стабилизации. Рабочее предположение состоит в том, что нефтяная зависимость сформировала общую уязвимость экономики, тогда как непосредственный механизм инфляции менялся по мере углубления кризиса.

Основной период исследования охватывает 2013–2025 гг. Нижняя граница соответствует смене политического руководства после смерти Уго Чавеса и позволяет сопоставить состояние экономики до и после резкого снижения мировых цен на нефть во второй половине 2014 г. Верхняя граница определяется последним завершённым годом, за который доступны сопоставимые годовые показатели Международного валютного фонда и Организации стран — экспортёров нефти. События 1999–2012 гг. рассматриваются как предыстория формирования модели управления нефтяными доходами, унаследованной правительством Николаса Мадуро.

В исследовании применяются проблемно-хронологический и сравнительный методы, а также анализ динамики макроэкономических показателей. Сопоставляются четыре годовых показателя: среднегодовая инфляция, изменение реального валового внутреннего продукта, добыча сырой нефти и баланс сектора государственного управления. Такое сочетание позволяет проследить связь между сокращением нефтяной производственной базы, ухудшением состояния государственных финансов, падением выпуска и изменением темпов роста цен.

Информационную основу исследования составляют данные International Monetary Fund World Economic Outlook за апрель 2026 г. [8] и ежегодные статистические бюллетени ОПЕК [9]. Инфляция определяется как изменение среднего уровня потребительских цен по сравнению со средним уровнем предыдущего года. Добыча сырой нефти представлена среднегодовым объёмом производства в тысячах баррелей в сутки. Баланс сектора государственного управления отражает разницу между его доходами и расходами в процентах от ВВП: отрицательное значение означает превышение расходов над доходами.

При интерпретации показателей необходимо учитывать ограничения венесуэльской статистики. В базе World Economic Outlook часть значений за поздние годы, прежде всего данные о реальном ВВП и состоянии государственных финансов, представляет собой оценки сотрудников Международного валютного фонда, так как публикация национальной статистики в отдельные периоды была неполной и нерегулярной. Поэтому количественные данные используются для определения общего направления и масштаба изменений, а не для точной оценки последствий каждого отдельного политического решения. Полученные результаты сопоставляются с выводами российских исследований [1; 2].

В исследовании сначала рассматривается формирование нефтяной модели при Уго Чавесе и изменение роли государственной компании PDVSA. Затем анализируются решения правительства Николаса Мадуро после сокращения нефтяных доходов, переход от валютного дефицита к гиперинфляции и последующее распространение долларовых расчётов. Это позволяет выделить три этапа кризиса: ускорение инфляции в 2013–2017 гг., гиперинфляцию в 2018–2021 гг. и неустойчивую стабилизацию в 2022–2025 гг.

Уго Чавес пришёл к власти в 1999 г. на фоне снижения доверия к традиционным политическим партиям и значительного социального неравенства. Предложенная им Боливарианская революция предполагала более активное участие государства в экономике и перераспределение нефтяных доходов в пользу широких слоёв населения. В период высоких мировых цен на нефть государство заметно увеличило расходы на здравоохранение, образование, жилищные программы и продовольственные субсидии. Эти меры расширили доступ части населения к социальным услугам, но одновременно усилили зависимость государственных обязательств от нефтяной конъюнктуры [1; 3; 5].

Центральное место в этой системе занимала Petróleos de Venezuela, S.A. (PDVSA) — государственная нефтегазовая компания, обеспечивавшая основ-

ную часть добычи и экспортной выручки страны. После политического кризиса 2002 г. и забастовки сотрудников PDVSA правительство усилило контроль над компанией, а значительная часть её кадрового состава была заменена [3; 5]. Эти события имели не только политические, но и экономические последствия: самостоятельность руководства компании сократилась, а её деятельность стала в большей степени определяться текущими задачами правительства.

В дальнейшем на PDVSA возлагались функции, выходившие за рамки добычи и экспорта нефти. Через компанию финансировались социальные программы и специальные фонды, а часть государственных расходов осуществлялась вне обычных бюджетных процедур. Такой порядок позволял быстрее направлять средства на политически значимые проекты, однако делал отношения между государством и нефтяной компанией менее прозрачными [1; 3; 4].

Введённый в 2003 г. валютный контроль также имел двойственный эффект: официальный курс поддерживал более дешёвый импорт, но административное распределение иностранной валюты формировало различия в доступе предприятий к внешним расчётам.

В период высоких нефтяных цен возникавшие дисбалансы частично компенсировались экспортной выручкой. Государство могло одновременно наращивать расходы, поддерживать регулируемый валютный курс и финансировать импорт. В результате бюджет, внутреннее потребление и устойчивость национальной валюты всё сильнее зависели от одного источника доходов [3; 4].

После смерти Уго Чавеса в 2013 г. правительство Николаса Мадуро унаследовало значительные социальные обязательства, систему валютных ограничений и нефтяную компанию, на которую были возложены как производственные, так и бюджетные функции. Политико-экономическая модель оставалась устойчивой при высокой экспортной выручке, но её возможности резко сократились после ухудшения внешней нефтяной конъюнктуры [1; 2].

Падение мировых цен на нефть в 2014 г. резко сократило валютные поступления и поставило правительство Николаса Мадуро перед необходимостью пересматривать прежнюю экономическую политику. С точки зрения макроэкономики требовалось сократить государственные расходы, скорректировать официальный курс боливара и ограничить систему субсидий. Однако для властей такие решения были политически рискованными: они означали бы снижение реальных доходов населения, удорожание импортных товаров и потерю преимуществ компаниями, получавшими доллары по льготному курсу. Поэтому правительство не решилось на быструю корректировку: оно сохранило значительную часть ценовых и валютных ограничений, сократило импорт и стало активнее использовать кредиты центрального банка для покрытия расходов. На некоторое время это позволило избежать резкого отказа от социальных обязательств, но не решило проблему, а лишь отложило её. Дефицит товаров усиливался, разрыв между официальным и неофициальным курсами увеличивался, а вместе с ним росла и денежная масса **[1; 2]**.

Возможности для проведения последовательных реформ дополнительно уменьшились после парламентских выборов 2015 г., на которых оппозиция получила большинство в Национальной ассамблее. Экономические решения всё чаще становились частью политического противостояния между парламентом и исполнительной властью: вместо согласования бюджета и программы выхода из кризиса стороны спорили о полномочиях государственных институтов и законности принимаемых решений. Создание в 2017 г. Учредительного собрания позволило правительству Мадуро принимать ключевые решения без полноценного участия оппозиционного парламента [5]. В результате экономическая политика стала ещё менее прозрачной: порядок утверждения государственных расходов, управление PDVSA и предоставление кредитов центрального банка фактически оказались сосредоточены в руках исполнительной власти.

Снижение цен на нефть совпало с сокращением добычи. По данным ОПЕК, в 2013 г. Венесуэла производила в среднем около 2,79 млн баррелей сырой нефти в сутки, в 2017 г. — около 2,03 млн, а в 2020 г. — около 0,57 млн баррелей в сутки [9]. Сокращение началось до введения наиболее жёстких американских ограничений против нефтяного сектора в 2019 г., поэтому его нельзя объяснить исключительно санкционным фактором. Вместе с тем последующие ограничения на финансирование, расчёты, поставки оборудования и работу с PDVSA дополнительно осложнили восстановление отрасли и доступ к внешним рынкам [6; 7].

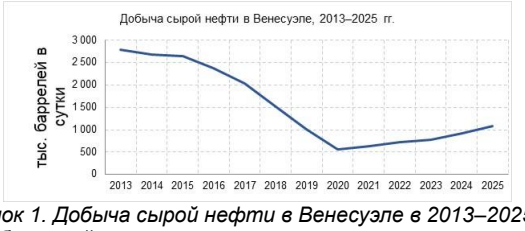

Рисунок 1. Добыча сырой нефти в Венесуэле в 2013–2025 гг., тыс. баррелей в сутки
Источник: составлено автором по данным OPEC Annual Statistical Bulletin за 2016, 2021 и 2026 гг. [9].

Сокращение нефтяной выручки непосредственно отразилось на государственных финансах. По данным Международного валютного фонда, дефицит сектора государственного управления составлял 10,4% ВВП в 2013 г., 13,3% в 2017 г., а в 2018 г., по оценке фонда, достиг 31% ВВП **[8]**. Часть расходов при этом финансировалась через механизмы, связанные с PDVSA и центральным банком. Таким образом, состояние нефтяного сектора, социальные обязательства государства и рост денежного финансирования оказались тесно взаимосвязаны.

Таблица 1
Основные макроэкономические показатели Венесуэлы в отдельные годы

Год	Инфляция, %	Рост реального ВВП, %	Добыча нефти, тыс. барр./сут.	**Баланс гос. сектора, % ВВП**
2013	**40,6**	1,3	2 789,5	-10,4
2014	**62,2**	-3,9	2 682,6	-9,8
2017	**438,1**	-15,7	2 034,8	-13,3
2018	**65 374,1**	**-19,7**	1 510,2	-31,0
2020	**2 355,1**	-30,0	568,6	-6,6
2022	**186,5**	8,0	720,0	-5,3
2024	**49,4**	5,3	920,0	-3,7
2025	**252,0**	1,5	1 080,0	-5,8

Источник: составлено автором по данным International Monetary Fund World Economic Outlook Database, April 2026 [8], и OPEC Annual Statistical Bulletin за 2016, 2021 и 2026 гг. [9]. Значения ряда показателей за поздние годы являются оценками Международного валютного фонда.

В 2013–2017 гг. среднегодовая инфляция ускорилась с 40,6 до 438,1% [8]. На первом этапе важной причиной роста цен стал валютный дефицит: предприятия не всегда могли приобрести необходимый объём иностранной валюты по официальному курсу и ориентировались на альтернативные курсовые значения при оценке импортных затрат. Соответственно, ослабление боливара повышало издержки импортёров и через цены импортируемых товаров распространялось на внутренний рынок. Исследования венесуэльской социально-экономической модели указывают на сочетание валютных ограничений, падения нефтяной выручки и внутренних дисбалансов как на взаимосвязанные элементы кризиса [1; 2].

В 2018–2021 гг. механизм инфляции изменился по масштабу и интенсивности. Рост бюджетного дефицита сопровождался расширением денежного финансирования, а падение доверия к национальной валюте увеличивало скорость её обращения. В таких условиях выпуск новых боливаров быстрее переносился в цены. Научные исследования, посвящённые динамике венесуэльской экономики, связывают гиперинфляцию с совокупностью факторов, включая бюджетную несбалансированность, сокращение нефтяных доходов, валютные диспропорции и денежную эмиссию [1; 2].

В 2018 г. среднегодовая инфляция, по данным Международного валютного фонда, достигла приблизительно 65,4 тыс.%, а реальный ВВП сократился на 19,7% [8]. В 2019–2020 гг. экономический спад продолжался, а рост цен оставался чрезвычайно высоким. Домохозяйства и предприятия стремились сократить хранение сбережений и оборотных средств в боливарах, что дополнительно ослабляло спрос на национальную валюту. Нефтяной шок сформировал значительную часть бюджетного разрыва, а способ его финансирования усилил инфляционную динамику.

Рисунок 2. Среднегодовая инфляция в Венесуэле в 2013–2025 гг., %
Источник: составлено автором по данным International Monetary Fund World Economic Outlook Database, April 2026 [8].

С 2019 г. экономическая политика постепенно стала более гибкой. Власти ослабили часть ценовых и валютных ограничений, допустили широкое использование иностранной валюты в повседневных расчётах и сократили прямое денежное финансирование части расходов. Формально боливар сохранял статус национальной валюты, однако доллар США всё чаще использовался как средство расчёта, ценообразования и сбережения. Исследователи характеризуют этот процесс как элемент частичной либерализации экономики, способствовавший восстановлению отдельных сегментов торговли и услуг [1; 2].

Неформальная долларизация предоставила частному сектору более устойчивую единицу расчёта, однако её социальные последствия были неоднородными. Домохозяйства и работники, имевшие доступ к валютным доходам, получили дополнительные возможности для сохранения покупательной способности, тогда как доходы части бюджетного сектора и социальных получателей продолжали формироваться преимущественно в боливарах. Поэтому улучшение условий для предпринимательской деятельности не означало пропорционального восстановления реальных доходов всех групп населения [1].

Первые признаки смягчения кризиса появились после 2020 г. Среднегодовая инфляция снизилась с 2355,1% в 2020 г. до 1588,5% в 2021 г. и 186,5% в 2022 г. Одновременно в 2022 г. реальный ВВП вырос на 8%, а нефтедобыча начала постепенно восстанавливаться [8; 9]. Восстановление нефтедобычи способствовало росту валютных поступлений и несколько улучшило состояние государственных финансов, что позволило сократить денежное финансирование бюджетного дефицита. Одновременно расширение импорта и предложения товаров способствовало замедлению роста цен. Тем не менее инфляция в 186,5% означала, что средний уровень цен за год вырос почти втрое, поэтому говорить о ценовой стабильности было рано. Венесуэла вышла из наиболее острой фазы гиперинфляции, но ещё не преодолела её основные причины.

События следующих лет подтвердили непрочность достигнутого результата. В 2023 г. среднегодовая инфляция вновь ускорилась до 337,5%, в 2024 г. снизилась до 49,4%, а в 2025 г., по оценке World Economic Outlook, снова выросла примерно до 252% [8]. При этом добыча нефти продолжала увеличиваться и к 2025 г. достигла около 1,08 млн баррелей в сутки [9].

Расхождение между восстановлением нефтяного производства и новой волной роста цен имеет принципиальное значение: увеличение экспортной выручки само по себе не вернуло доверие к боливару и не обеспечило бюджетную устойчивость. Пока ограничение денежного финансирования зависело преимущественно от текущих решений властей, а не от устойчивых правил, стабилизация оставалась уязвимой перед новым сокращением валютных поступлений или ростом государственных расходов.

В более широком смысле этот вывод соответствует подходу Дарона Аджемоглу и Джеймса Робинсона, которые связывают долгосрочные результаты экономического развития не столько с наличием природных ресурсов, сколько с качеством политических и экономических институтов [10]. Опыт Венесуэлы показывает, что восстановление нефтяных доходов не приводит автоматически к устойчивой стабилизации, если порядок распределения этих средств, контроль за государственными расходами и отношения между правительством и PDVSA по-прежнему зависят преимущественно от текущих политических решений.

В 2018 г. в Венесуэле прошли президентские выборы, после чего внутренний политический конфликт приобрёл выраженное международное измерение. В 2019 г. США усилили финансовые и нефтяные ограничения в отношении Венесуэлы и PDVSA. Российские исследования подробно рассматривают влияние этих мер на нефтедобычу, внешние расчёты, логистику и доступ к технологиям [6; 7]. Вместе с тем основные признаки рецессии, инфляционного ускорения и снижения добычи сформировались до наиболее жёсткого этапа санкционного режима. Поэтому санкции целесообразно рассматривать как фактор, усугубивший уже существовавшие внутренние дисбалансы, а не как единственное объяснение кризиса.

Санкционный фактор оказал особенно заметное влияние на возможности привлечения внешнего финансирования, обслуживание нефтяной инфраструктуры и выбор экспортных направлений. Одновременно отдельные лицензии и исключения из санкционного режима в последующие годы позволяли частично восстанавливать операции с иностранными компаниями и наращивать нефтяное производство [6; 7]. Это подтверждает зависимость краткосрочной макроэкономической динамики Венесуэлы как от внутренних институтов и экономической политики, так и от условий доступа к международным рынкам.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что инфляционный кризис в Венесуэле сформировался под воздействием взаимосвязанных внешних и внутренних факторов. В период высоких нефтяных цен расширение социальных программ и перераспределение нефтяной ренты поддерживали внутренний спрос, но одновременно усиливали зависимость бюджета от нефтяной компании и экспортной конъюнктуры. Рост нефинансовых обязательств PDVSA, валютное регулирование и недостаточная диверсификация экономики повысили уязвимость системы к снижению нефтяных доходов [1; 3; 4].

После 2014 г. сокращение экспортной выручки совпало с сохранением значительных государственных обязательств и ограниченным пространством для бюджетной корректировки. В 2013–2017 гг. ускорение инфляции происходило на фоне валютного дефицита, девальвации боливара и сокращения импорта. На следующем этапе бюджетная несбалансированность и расширение денежного финансирования стали ключевыми элементами перехода к гиперинфляции. Внешние санкции дополнительно ограничили доступ нефтяного сектора к финансированию, технологиям и рынкам, однако основные внутренние дисбалансы возникли ранее [1; 6; 7].

Либерализация части валютных и ценовых ограничений, распространение расчётов в долларах и восстановление нефтедобычи позволили снизить инфляцию относительно пиковых значений. Вместе с тем динамика 2023–2025 гг. показывает, что стабилизация остаётся неустойчивой. Долгосрочное снижение инфляционных рисков связано не только с объёмом нефтяных доходов, но и с качеством бюджетных институтов, прозрачностью отношений государства и PDVSA, предсказуемостью валютной политики и условиями для частных и иностранных инвестиций.

Литература

1. Чуйкова А. М. Социально-экономическая модель Венесуэлы в условиях новой реальности // Латинская Америка. 2022. № 8. С. 22–41. DOI: 10.31857/S0044748X0021213-3.
2. Шинкаренко А. А. Венесуэла в поисках выхода из системного кризиса // Латинская Америка. 2020. № 1. С. 97–107. DOI: 10.31857/S0044748X0007763-8.
3. Жуков С. В., Резникова О. Б. Венесуэла на мировом рынке нефти // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 10. С. 80–90. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-10-80-90.
4. Чадаева Э. А., Охеда Кальюни Э. Влияние изменений экономических нагрузок на деятельность иностранных нефтегазовых компаний в Венесуэле // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2021. Т. 29. № 2. С. 312–323. DOI: 10.22363/2313-2329-2021-29-2-312-323.
5. Яковлев П. П. Венесуэла: кризис эпохи конфликтной многополярности // Перспективы. Электронный журнал. 2019. № 1 (17). С. 38–52. DOI: 10.32726/2411-3417-2019-1-38-52.
6. Мастепанов А. М., Сумин А. А., Чигарев Б. Н. Венесуэла под сводом санкций: разрушенная, но не сломленная // Энергетическая политика. 2022. № 9. С. 78–87. DOI: 10.46920/2409-5516_2022_9175_78.
7. Живалов В. Н., Абрамов В. Л. Контрсанкционные меры Ирана и Венесуэлы для преодоления ограничений на экспорт нефтяных ресурсов // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 12. С. 75–86. DOI: 10.24412/2072-8042-2023-12-75-86. URL: https://journal.vavt.ru/rfej/article/view/30 (дата обращения: 16.09.2026).
8. International Monetary Fund. World Economic Outlook Database. April 2026 [Электронный ресурс]. URL: https://data.imf.org/en/Datasets/WEO (дата обращения: 16.09.2026).
9. Organization of the Petroleum Exporting Countries. Annual Statistical Bulletin 2016, 2021, 2026 [Электронный ресурс]. Vienna: OPEC. URL: https://publications.opec.org/asb (дата обращения: 16.09.2026).
10. Acemoglu D., Robinson J. A. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. New York: Crown Publishers, 2012. 544 p.

Inflation and power in Venezuela: from the oil crisis to fragile stabilisation

Sergeeva A.A.

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

JEL classification: H87, F02, F15, F29, F40, F42, F49

The article examines Venezuela's inflation crisis in 2013–2025 in connection with oil dependence and government economic policy. It analyses the dynamics of inflation, oil production and the fiscal balance, as well as exchange-rate regulation and dollarisation. The results identify the main stages of the crisis and substantiate the institutional constraints that made subsequent macroeconomic stabilisation fragile.

Keywords: Venezuela, inflation, hyperinflation, oil rent, PDVSA, dollarisation, political economy.

References

1. Chuikova A. M. Venezuela's Socio-Economic Model in the Context of the New Reality // Latin America. 2022. No. 8. P. 22–41. DOI: 10.31857/S0044748X0021213-3.
2. Shinkarenko A. A. Venezuela in Search of a Way Out of the Systemic Crisis // Latin America. 2020. No. 1. P. 97–107. DOI: 10.31857/S0044748X0007763-8.
3. Zhukov S. V., Reznikova O. B. Venezuela in the Global Oil Market // World Economy and International Relations. 2018. Vol. 62. No. 10. P. 80–90. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-10-80-90.
4. Chadaeva E. A., Ojeda Calyuni E. The Impact of Changes in Economic Burdens on the Operations of Foreign Oil and Gas Companies in Venezuela // RUDN Journal of Economics. 2021. Vol. 29. No. 2. P. 312–323. DOI: 10.22363/2313-2329-2021-29-2-312-323.
5. Yakovlev P. P. Venezuela: A Crisis of the Era of Conflict-Ridden Multipolarity // Perspektivy. Electronic Journal. 2019. No. 1 (17). P. 38–52. DOI: 10.32726/2411-3417-2019-1-38-52.
6. Mastepanov A. M., Sumin A. A., Chigarev B. N. Venezuela Under Sanctions: Devastated but Unbroken // Energy Policy. 2022. No. 9. P. 78–87. DOI: 10.46920/2409-5516_2022_9175_78.
7. Zhivalov V. N., Abramov V. L. Counter-Sanction Measures by Iran and Venezuela to Overcome Restrictions on Oil Resource Exports // Russian Foreign Economic Bulletin. 2023. No. 12. P. 75–86. DOI: 10.24412/2072-8042-2023-12-75-86. URL: https://journal.vavt.ru/rfej/article/view/30 (accessed: 16.09.2026).
8. International Monetary Fund. World Economic Outlook Database. April 2026 [Electronic resource]. URL: https://data.imf.org/en/Datasets/WEO (accessed: 16.09.2026).
9. Organization of the Petroleum Exporting Countries. Annual Statistical Bulletin 2016, 2021, 2026 [Electronic resource]. Vienna: OPEC. URL: https://publications.opec.org/asb (accessed: 16.09.2026).